

ФИЛОЛОГИЯ*(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

Л.В. Гущина*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

lgushchina@sfedu.ru

**О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ИНТЕРПРЕТАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕТЕКТИВЕ****[Lyudmila V. Guschina****On the implementation of the principle of interpretation
in the modern political detective]**

It is considered the implementation of the principle of interpretation in the modern political detective. This topic continues to cause controversy in scientific circles about the definition of its contradictory nature, on the one hand, proving its necessity by the impossibility of the existence of real facts without their interpretation, and, on the other hand, determining its role by creating fictitious meanings that suppress the semantic basis of reality. Therefore, the study of the principle of interpretation in political detectives, which emphasizes the comprehension of the nature of the literary text, the relationship between the true facts in it and the interpretation of realities by the author, is considered as promising and having great potential, in particular both to highlight clearer criteria of the genre under consideration and establish its linguistic and pragmatic features.

Key words: principle of interpretation, detective genre, political detective, assessment, completion, selectivity, concealment.

В течение многих лет детектив остается одним из самых популярных жанров среди читателей и одним из наиболее обсуждаемых жанров в научном сообществе. Литературоведы, писатели и исследователи сходятся во мнении, что детектив занимает особое место в системе литературных жанров. Их интерес к жанровому своеобразию детектива можно объяснить схожестью инструментария, используемого для создания детектива и научного исследования [1, с. 279]. Детективный жанр уникален и тем, что представляет собой сочетание художественно-образного и понятийно-логического плана. Детектив позволяет читателю идти по пути следователя, а значит, раскрывать

тайны, выявлять закономерности и строить теории. Любое расследование приближает к границам собственного опыта, а значит, жанр детектива предоставляет читателю возможность познать самого себя [4].

Следует отметить, что политический детектив указывается в многочисленных классификациях, однако, его понятие в научной литературе до сих пор оказывается достаточно расплывчатым. Возможно, это связано с тем, что в эпоху постмодернизма границы всех литературных жанров стираются, и сегодня представляется достаточно сложным найти «чистый» жанр. Соответственно, и выделение характерных особенностей современных жанров видится проблематичным. Однако, проанализировав ряд англоязычных политических детективов, мы пришли к выводу о том, что политический детектив представляет собой вид неклассического детективного жанра, характерной сюжетной линией которого является расследование политических событий и теневых процессов, влияющих на миропорядок, соперничество между политическими и экономическими силами разных стран, включающих в себя: работу спецслужб, военные конфликты, террористические акты, политическую вражду, а также конкуренцию в сфере научно-технического прогресса.

В тексте любого политического детектива представляется возможным обнаружить интерпретацию исторических фактов. Несмотря на то, что само философское понятие интерпретации исследуется и изучается в течение нескольких веков, оно до сих пор остается полемичным. С одной стороны, без интерпретации невозможно существование и весь познавательный процесс представляет собой интерпретацию. С другой стороны, очевидно, что любая интерпретация нарушает отражение истиной сути вещей. Учитывая тот факт, что политический детектив – это художественная литература, созданная с опорой на реальные факты, использование принципа интерпретации для его написания видится уместным и закономерным.

Интерпретацию, как метод для познания истории, активно использовал немецкий философ М. Хайдеггер, интерпретирующий тексты Декарта, И. Канта и Анаксимандра, параллельно выводя герменевтическую концепцию на новый уровень. По его мнению, интерпретация – это форма бытия человека. М. Хайдеггер также считал, что субъект воспринимает действительность на двух уровнях. На первом это происходит безотчетно (дореклексивно), а на втором всегда происходит процесс интерпретации [8]. Та-

ким образом, принцип интерпретации вышел за пределы толкования истории или филологии, расширив свои границы до фундаментальных философских вопросов бытия и познания. В XXI в. исследователями предлагается несколько типов интерпретации как принципа познания реальности: 1) *грамматическая*, применяемая для толкования элементов языка, грамматическим и синтаксическим формам отдельно взятого слова; 2) *психологическая*, раскрывающая намерения и чувства автора сообщения исходя содержания самого сообщения; 3) *историческая*, рассматривающая текст в контексте обстоятельств его создания.

Однако следует отметить, что интерпретация как принцип познания находит среди исследователей и отрицательные оценки. Так, например, С. Зонтаг выдвигает теорию о том, что принцип интерпретации был создан для того, чтобы более древние тексты стали соответствовать современным требованиям [3]. В качестве примера автор приводит толкование Библии, как духовных парадигм, или интерпретацию скитания евреев, как аллегория освобождения. Таким образом, С. Зонтаг видит в интерпретации негативную синтетическую надстройку над реальным текстом и считает, что она обедняет искусство. Возвращаясь к концепции М. Хайдеггера, следует отметить, что теория С. Зонтаг не выглядит столь фундаментальной. Если все наше бытие является результатом интерпретации реальных фактов, то избавиться от интерпретации в искусстве невозможно.

Согласно теории М. Вебера, интерпретация может быть двух направлений – ценностной и исторической, всегда оказывая влияние и на самого интерпретатора (даже при условии, что его оценка события или явления является отрицательной). По мнению автора, сам процесс толкования содержит в себе познавательную ценность, поэтому расширяет мировоззренческий горизонт, улучшает восприятие ценностей [2]. Следует отметить, что М. Вебер также предпринимает попытку разделить интерпретацию на несколько видов, выделив толкование лингвистического смысла и содержания, историческую интерпретацию и ценностный анализ. Последний всегда относит рассматриваемый объект к ценностной парадигме, независимо от исторического и казуального значения.

Мы в свою очередь полагаем, что принцип интерпретации в жанре политического детектива, прежде всего, связан с толкованиями исторических фак-

тов или истории, поскольку политический детектив основан на или связан с реально произошедшими политическими событиями. Если рассматривать политическое событие как факт истории, то представляется возможным говорить о том, что, используя принцип интерпретации, автор, в первую очередь, дает толкование «действительным событиям, имевшим место и обладающим всегда следующими характеристиками: локализованностью во времени и пространстве; объективностью; субъективностью и неисчерпаемостью» [5, с. 67]. Но при этом мы полагаем, главная задача исследователя (автора) при обработке такого факта заключается в достижении верной интерпретации, не вступающей в противоречие с самим сообщением.

На наш взгляд, необходимо разграничить понятия интерпретации исторических фактов и их фальсификации. О последней в литературе следует говорить тогда, когда мы обнаруживаем нарушение принципа исторической справедливости. Другими словами, писатель может фальсифицировать исторические источники, представляя достоверными никогда не существовавшие документы или внося корректировки в подлинные, предоставляя читателю уже сфальсифицированные данные. В таком случае мы можем утверждать о целенаправленном искажении истории, ее сути посредством дополнения вымышленных фактов. Как правило, фальсификация исторических фактов наблюдается в произведениях, в которых автор является убежденным сторонником той или иной точки зрения конкретном социо-политическом конфликте. Как правило, к фальсификации в художественной литературе обращаются тогда, когда подделка документальных источников не является эффективной. Целью таких приемов является формирование общественного сознания, чтобы через определенный промежуток времени фальсификация исторических фактов в документальных источниках не вызывала вопросов и недоверия.

Таким образом, мы полагаем, что интерпретация и фальсификация исторических фактов представляют собой два разных принципа, используемых в художественной литературе. И если относительно интерпретации существуют полярные точки зрения, то фальсификация истории чаще всего порицается и осуждается.

Реализация принципа интерпретации в политическом детективе, на наш взгляд, связана с различными способами толкования.

1. *Авторская оценка*: писатель (субъект оценки) выражает собственное отношение «хорошо» / «плохо» и другие признаки (оценку) тем или иным событиям (объектам оценки) при помощи различных языков средств (оценочных элементов).

Рассмотрим реализацию принципа интерпретации в примере, заимствованном из политического детектива Ф. Форсайта: «*Both Britain's Secret Intelligence Service (SIS) and America's Central Intelligence Agency (CIA) have big operations in Pakistan for obvious reasons <...> There have been spats, especially over the rash of British traitors starting with Philby Burgess and Maclean in 1951. Then the Americans became aware they, too, had a whole rogues' gallery of traitors working for Moscow, and the inter-agency sniping stopped*» [11, с. 4]. Анализируя данный отрывок, следует отметить, что в Великобритании и США действительно существуют спецслужбы СИС (Secret Intelligence Service) и ЦРУ (Central Intelligence Agency). Однако утверждение о том, что данные секретные службы работали в Пакистане, не имеет достаточных оснований, что подтверждается отсутствием авторитетных источников, указывающих на данный факт. Также автор повествует здесь и о советских агентах, завербованных в Великобритании в 30-х гг. XX в. в Кембриджском университете советским разведчиком Арнольдом Дейчем, о так называемой, «кембриджской пятерке» [9, с. 115]. В нее действительно входили агенты под именами Ким Филби, Дональд Маклин и Гай Берджес. А значит, Ф. Форсайт описывает реально происходившие события и называет истинные имена действующих лиц, однако, при этом вплетает в повествование собственное оценочное суждение, которое выражается фразой «*the rash of British traitors*» («повальная эпидемия предательств в Великобритании») и, кроме того, изменяет временные рамки событий (30-е гг. заменены на 50-е гг.).

2. *Восполнение*: исторические события дополняются авторским мнением, догадками и домыслами (в канве повествования реальные факты и предположения писателя переплетаются, создавая целостную картину случившегося). Например: «*The end of the Cold War in 1991 led to the asinine presumption among politicians on both sides of the Atlantic that peace had come at last and come to stay*» [11, с. 4]. То, что холодная вой-

на завершилась в 1991 г., представляет собой достоверный факт, подтвержденный многими документальными источниками. Однако писатель говорит о том, что противостоявшие стороны – США и СССР – поспешно и неоправданно решили, что мир, наконец-то, установился на долгие годы. Следует отметить, что данная фраза является предположением автора и не может быть подтверждена документальными источниками. Кроме того, в этом предложении содержится авторская оценка описываемых им событий, которая выражается в экспрессивно-окрашенной лексеме *asinine*, имеющей значение «глупый, упрямый, дурацкий, идиотский». Так, автор подчеркивает свою категоричность, негативное отношение к происходящему событию.

3. *Избирательность и умолчание*: говоря о многогранном и «сложном» историческом событии, автор выбирает только его отдельные факты, не упоминая о других значимых составляющих, например: «*The men from London and Washington recalled the Martin file. Of course, that year in Afghanistan helping the muj in their struggle against Soviet occupation. It was a long shot, but not unfeasible that the men had met*» [12, с. 24]. В данном отрывке речь идет об афганской войне (1979–1989). Во время указанного вооруженного конфликта СССР ввел свои войска на территорию Афганистана и начал военную операцию против оппозиционных сил – афганских моджахедов, которые пользовались поддержкой НАТО [7, с. 143]. Однако ввод советских войск на территорию Афганистана нельзя считать оккупационным режимом. Приведем цитату Д. Верхотурова, эксперта Центра изучения современного Афганистана: «Стоит развеять еще один миф – никакой оккупации Афганистана не было. Правительственные войска и чиновники действовали вполне автономно от советских покровителей» [10]. И здесь следует отметить, что понятие «советская оккупация» относительно войны в Афганистане использовалось только международной пропагандой, успешно инициированной Западом, создавшей представление о советской армии как об оккупационной силе, не учитывающей интересы жителей республики. В Советском же союзе преобладала точка зрения о том, что ввод ограниченного контингента советских войск необходим для выполнения интернационального долга перед строящим со-

циализм афганским народом. Подводя итог, необходимо отметить, что в анализируемом фрагменте использован метод избирательности. Другими словами, автор негативно интерпретирует происходящие события, прибегая к методу избирательности, а именно: рассматривая сложный факт, он опускает некоторые детали, чтобы добиться необходимой ему версии прочтения события.

В следующем отрывке речь идет о Кубинском кризисе (Карибском кризисе): «*During the Cuban missile crisis, the world never realized that President Kennedy knew the full hand of cards that Nikita Khrushchev had to play, like a poker player with a mirror behind his opponent's back. The mirror was Penkovsky*» [12, с. 70]. Данный кризис представлял собой напряженное политическое и военное противостояние между СССР и США в 1962 г. Для того что понять, какой метод интерпретации использовал автор, необходимо более детально рассмотреть историю данного политического события. Как отмечает С.Я. Лавренов: «В 1961 г. США разместило в Турции (стране-участнице НАТО) ракеты средней дальности «Юпитер», которые за счет малого подлетного времени могли достигнуть западных городов Советского союза, в том числе Москвы и главных промышленных центров страны» [6, с. 213]. Таким образом СССР лишался возможности нанести ответный равноценный удар в случае агрессии. В ответ на этот шаг в 1962 г. «СССР разместил военные части и подразделения, на вооружении которых находилось как обычное, так и атомное оружие, включая баллистические и тактические ракеты наземного базирования на Кубе, в непосредственной близости к границе США» [6, с. 213]. Однако в данном отрывке автор называет причиной Кубинского кризиса только размещение советских ракет на территории Кубы. Другими словами, писатель умалчивает о событиях, которые предшествовали вышеописанным и также стали причиной кризиса. Автор намеренно прибегает к методу умолчания, для того чтобы интерпретировать событие в нужном ему свете. Далее в тексте рассматриваются позиции глав СССР и США, называются их реальные имена (во время Карибского кризиса Н.С. Хрущев и Дж. Кеннеди действительно были главами государств), однако, при этом выдвигаются домыслы и оценочные суждения автора, которые не находят своего подтверждения в документальных источниках. Писатель демонстрирует свою личную оценку к положению обоих лидеров во время Карибского кри-

зиса при помощи сравнения «*like a poker player with a mirror behind his opponent's back*», проводя аналогию с карточной игрой. Таким образом, очевидно, что данный отрывок основан на принципе интерпретации с использованием методов авторской оценки и умолчания.

Следует заключить, что принцип интерпретации в политическом детективе связан с толкованием исторических фактов, реалий и артефактов, сопровождающимся субъективной оценкой автора произведения, и реализуется при помощи методов оценки, восполнения, избирательности / умолчания. Автор художественного текста, в отличие от историков и документалистов, ответственен лишь за сохранение исторической справедливости.

Итак, тема принципа интерпретации в литературных произведениях продолжает вызывать полемику в научных кругах об определении ее противоречивой природы, с одной стороны, доказывая ее необходимость невозможностью существования реальных фактов без их толкования, а с другой стороны, определяя ее роль созданием фиктивных смыслов, подавляющих семантическую основу действительности. И потому исследование принципа интерпретации в политическом детективе, лежащего в основе понимания природы литературного текста, соотношения в нем истинных фактов и толкования реалий автором, видится нам перспективным и обладающим большим потенциалом, в частности для выделения более четких критериев рассматриваемого жанра, установления его лингвистических и прагматических особенностей.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Брехт Б.* О популярности детективного романа // Иностранная литература. 1972. № 5.
2. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. М.: Прогресс, 1990.
3. *Зонтаг С.* Против интерпретации // Иностранная литература. 1992. № 1.
4. *Гущина Л.В., Кальченко А.А.* Политический детектив в контексте постмодернизма // Язык. Дискурс. Текст. Ростов-на-Дону, 2017.
5. *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. М.: Высшая школа, 1981.

6. *Лавренов С.Я., Попов И.М.* Карибский кризис: мир на грани катастрофы. М.: Астрель, 2003.
7. *Ляховский А.А., Забродин В.М.* Тайны афганской войны. М.: Планета, 1991.
8. *Микешина Л.А.* Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс Традиция, 2005.
9. *Модин Ю.* Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М.: Litres, 2017.
10. «Никакой оккупации не было»: почему советские войска покинули Афганистан // <https://russian.rt.com/science/article/500862-afganistan-vyvod-voisk-prichiny>.
11. *Forsyth F.* The Afghan. London, 2006.
12. *Forsyth F.* The Fist of God. London, 1994.

R E F E R E N C E S

1. *Brecht B.* About popularity of the detective novel // Foreign literature. 1972. No. 5.
2. *Weber M.* “Objectivity” of socio-scientific and socio-political knowledge. М.: Progress, 1990.
3. *Zontag S.* Against interpretation // Foreign literature. 1992. No. 1.
4. *Gushchina L.V., Kalchenko A.A.* Political detective in the context of post-modernism // Language. Discourse. Text. Rostov-on-Don, 2017.
5. *Ivanov G.M., Korshunov A.M., Petrov Yu.V.* Methodological problems of historical knowledge. М.: Higher School, 1981.
6. *Lavrenov S.Ya., Popov I.M.* Caribbean crisis: the world is on the verge of catastrophe. М.: Astrel, 2003.
7. *Lyakhovsky A.A., Zabrodin V.M.* Secrets of the Afghan war. М.: Planet, 1991.
8. *Mikeshina L.A.* Philosophy of science: Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research. М.: Progressive Tradition, 2005.
9. *Modin Yu.* Fates scouts. My Cambridge friends. М.: Litres, 2017.

10. "There was no occupation": why did the Soviet troops leave Afghanistan // <https://russian.rt.com/science/article/500862-afganistan-vyvod-voisk-prichiny>.
11. *Forsyth F.* The Afghan. London, 2006.
12. *Forsyth F.* The Fist of God. London, 1994.

04 октября 2020 г.
